

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-126-133>

ТРАДИЦИИ АНТИЧНОЙ КАЛОКАГАТИИ В ПОЭЗИИ А. ПОЛЕЖАЕВА

Анастасия Дмитриевна Сесорова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, miss.oblivate@gmail.com

Аннотация

Введение. Через Византию Древняя Русь оказалась прямой наследницей Древней Греции. Изучение взаимодействия этих культур способствует пониманию и сохранению ценностей, пришедших на русскую почву и переосмысленных русской культурой. В фокусе нашего внимания находится феномен калокагатии.

Цель – анализ традиций античной калокагатии в поэзии А. Полежаева.

Материал и методы. Материалом исследования послужили стихотворения А. Полежаева с антологической поэтикой, это позволило не только проследить общую эволюцию антологической поэтики в русской лирике, но и отметить особенности ее использования в творчестве поэта. Были применены следующие методы исследования: биографический, генетический, сравнительно-типологический. Биографический метод значим тем, что помогает вскрыть предпосылки интереса Полежаева к наследию античности. С помощью генетического метода можно выявить источники, генезис и эволюцию ведущих понятий антологической традиции, в том числе с центральным вниманием к интересующему нас идеалу античной калокагатии в русской поэтической традиции XIX в. Сравнительно-типологический метод дает анализу возможность найти и представить в системе сходства и различия в интерпретации поэтом интересующей нас темы.

Результаты и обсуждение. Античная культура и ее ценности, воспринятые русской культурой через посредство Византии, давно закрепились и отразились в русской литературе. Для антологической традиции русской лирики и для поэтов, которым была близка антологическая поэтика, становится важным понятие красоты в калокагатийном смысле. Мы рассматриваем калокагатию как одно из проявлений античного феномена «пластической красоты», представляющего собой квинтэссенцию соединения внутренней и внешней красоты. Позже в европейской культуре уже Нового времени за данным феноменом закрепляются новые понятия – явление, возникающее на стыке разных искусств, т. е. экфрасис. Сам термин для обозначения этого явления, равно как и его теория и философия, возникает еще в античности. Важной вариацией живописного экфрасиса выступает явление воображаемого портрета, тесно связанного с антологической традицией, созданного поэтом в стихотворении «Картина». Анализ лирики А. Полежаева, в ряде стихотворений тяготеющего к антологической поэтике, показывает интерпретацию поэтом феномена калокагатии. Красота трактуется им не как проявление вселенской гармонии, наоборот, гармоничная красота лишь подтверждает недостижимость счастья для полежаевского героя. Полежаев создает недоступный и прекрасный идеал, к которому устремлен герой, однако он вызывает в душе героя лишь смятение, муки и кризис.

Заключение. В нашей работе мы исследовали особенности восприятия, отражения и трансформации/ревоплощения античных идеалов в произведениях Полежаева с антологической поэтикой. Феномен пластической красоты тесно связан в своей истории с идеей калокагатии – гармонии внешнего и внутреннего содержания. Лирика Полежаева отличается особенностями восприятия героем красоты в калокагатийном смысле, преломляясь через черты богоборческого романтизма и мировосприятие поэта.

Ключевые слова: Полежаев, калокагатия, античность, антологическая традиция, русский романтизм

Для цитирования: Сесорова А. Д. Традиции античной калокагатии в поэзии А. Полежаева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 126–133. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-126-133>

THE TRADITIONS OF ANTIQUE KALOCAGATIA IN THE POETRY OF A. POLEZHAEV

Anastasiya D. Sesorova

Kazan (Volga region) federal university, Kazan, Russian Federation, miss.oblivate@gmail.com

Abstract

Introduction. Through Byzantium, Ancient Russia turned out to be the direct heir of Ancient Greece. The study of the interaction of these cultures is the study of the history of the preservation of spiritual values that were significant in antiquity and perceived and rethought by Russian culture: beauty, harmony, kalokagatiya, eidos and many others. The focus of our attention is the phenomenon of kalokagatiya.

The aim of the article is to analyse the traditions of ancient kalokagatiya in the poetry of A. Polezhaev.

Material and methods. The material of the study was A. Polezhaev's poems with anthological poetics, which made it possible not only to trace the general evolution of anthological poetics in Russian lyrics, but also to note the features of its use in the poet's work. The following research methods were used: biographical, genetic, comparative typological. The biographical method is significant in that it helps to reveal the prerequisites for Polezhaev's interest in the heritage of antiquity. With the help of the genetic method, it is possible to identify the sources, genesis and evolution of the leading concepts of the anthological tradition, including with a central focus on the ideal of ancient kalokagatia that interests us in the Russian poetic tradition of the 19th century. The comparative-typological method gives the analysis the opportunity to find and present in the system similarities and differences in the poet's interpretation of the topic of interest to us.

Results and discussion. Ancient culture and its values, perceived by Russian culture through the means of Byzantium, have long been entrenched and reflected in Russian literature. For the anthological tradition of Russian lyric poetry and for poets who were close to anthological poetics, the concept of beauty in the callocogation sense becomes important. We consider callocogation as one of the manifestations of the ancient phenomenon of 'plastic beauty', which is the quintessence of the combination of internal and external beauty. Later, in the European culture of the modern era, new concepts are assigned to this phenomenon – a phenomenon that arises at the junction of different arts, that is, ekphrasis. An important variation of pictorial ekphrasis is the phenomenon of an imaginary portrait, closely related to the anthological tradition, created by the poet in the poem 'Kartina'. An analysis of the lyrics of A. Polezhaev, in a number of poems tending to anthological poetics, shows the poet's interpretation of the phenomenon of callocogation. Beauty is interpreted by him not as a manifestation of universal harmony, on the contrary, harmonious beauty only confirms the unattainability of happiness for the lying-down hero. Polezhaev creates an inaccessible and beautiful ideal to which the hero aspires, but he causes only confusion, torment and crisis in the hero's soul.

Conclusion. In our work, we explored the features of perception, reflection and transformation / reincarnation of ancient ideals in the works of Polezhaev with anthological poetics. The phenomenon of plastic beauty is closely linked in its history with the idea of callocogation – the harmony of external and internal content. Polezhaev's lyrics are distinguished by the peculiarities of the hero's perception of beauty in the callocogation sense, refracted through the features of the godless romanticism and the poet's worldview.

Keywords: Polezhaev, kalokagatiya, antiquity, anthological tradition, Russian romanticism

For citation: Sesorova A. D. Traditsii antichnoy kalokagatii v poezii A. Polezhaeva [The Traditions of Antique Kalokagatia in the Poetry of A. Polezhaev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 126–133 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-126-133>

Введение

Античность всегда имела огромное влияние на русскую культуру, на русскую литературу в особенности. На рубеже XVIII–XIX вв. возникает переломный момент в развитии и отечественной, и европейской культуры, когда различные культурные пласты начинают сосуществовать в едином пространстве времени [1, 2]. А. В. Михайлов в связи с этим замечает: «В этот период античности принадлежит значительная роль в европейских культурных процессах. Античность как культурная реальность и культурное представление безмерно превосходит своим участием в жизни этой эпохи частность и дробность любых заимствований, подновленных рефлексий и отражений» [3, с. 309].

В новых эстетических поисках новую жизнь обрели и многие античные идеалы. Мы трактуем пластическую красоту как идеал этический и эстетический, берущий корни еще в античности. Этот идеал – соединение, гармония внешней и внутренней красоты, вписывающийся в систему ценностей, значимых и в русской, и в зарубежной культуре, таких как добро, истина, мир, мудрость [4].

Калокагатия стала важным понятием сократовского учения, об этом говорится в сократических сочинениях Ксенофонта и Платона. По Ксенофонту Сократ трактует учение о калокагатии как о некоем нераздельном единстве качеств: «Разве ты не знаешь, что все по отношению к одному и тому же прекрасно и хорошо? Так, прежде всего о духовных достоинствах нельзя сказать, что они по отношению к одним предметам нечто хорошее, а по отношению к другим нечто прекрасное; затем, люди называются и прекрасными и хорошими в одном и том же отношении и по отношению к одним и тем же предметам; так же по отношению к одним и тем же предметам и тело человеческое кажется и прекрасным и хорошим; равным образом все, чем люди пользуются, считается и прекрасным и хорошим по отношению к тем же предметам, по отношению к которым оно полезно» [5, с. 534]. У Ксенофонта калокагатия начинает формироваться как философское понятие – «знание, ставшее жизнью, или мудрость» [5, с. 535]. В платоновской философии идеям прекрасного и блага отводится главенствующее место. По Платону, «всякое благо – прекрасно, а прекрасное – не лишено соразмерности.

А следовательно, живое существо, если оно должно быть таковым, надо считать соразмерным» [5, с. 539]. Начиная с учения Платона стала формироваться точка зрения на калокагатию как на гармонию души и тела. Гармония физических «стихий», которые соединены в человеческом теле, где душа подчиняла себе их движение, понималась в соотношении с идеалами красоты в античной культуре [6]. В понимании античных людей, из идеала, сформированного в этих стихиях, и появляется феномен красоты. Как писал известный философ А. Ф. Лосев: «Вся античная философия и вся античная эстетика представляют собой сплошное славословие чувственно-материальному космосу, этому предельному обобщению живого и идеального сформированного человеческого тела» [7, с. 36].

В синтезе с этими представлениями и рождается философия пластической красоты: «... в бытии и в жизни самое главное не личность и не общество, как думаем мы теперь, не история и не человек, и даже не природа, а именно тело, живое и здоровое, красивое человеческое тело. ... Но если в основе всего лежит живое человеческое тело, оно и есть единственный идеал для всего. Все должно на него ориентироваться, с ним согласовываться, быть с ним в гармонии» [7, с. 87]. Мы трактуем феномен пластической красоты как «восходящий к античности этико-эстетический, аксиологический идеал, представляющий собой квинтэссенцию соединения внешней и внутренней красоты в системе ведущих нравственных понятий, таких как истина, добро и мудрость» [8, с. 81].

Через культуру Византии в Древнюю Русь проникли древнегреческие ценности, таким образом способствовал преемственности культур. Изучение взаимодействия этих культур способствует познанию и оценке ценностей, преемственно перешедших из античности в русскую культуру: калокагатии, гармонии, космоса и других [9].

В фокусе нашего внимания находится феномен калокагатии. Нас интересует культура античности в обзоре через призму предшествующей русской литературной традиции (от Древней Руси и далее к сентиментализму и романтизму).

В русской антологической традиции феномен пластической красоты оказывается напрямую связан с идеалом калокагатии, берущим начало в античности, – когда душевный мир человека пребывает в гармонии с его внешностью: в античности люди искусства во внешней красоте усматривали красоту духовную.

Первоначально этот идеал воплощался в частичном или полном изображении обнаженных богов и героев. Красота понималась как воплощение божественного в человеке, через свою телесную

красоту, через внешнее подобие он сближался с богами.

«Русская античность» наследовала античное понимание красоты и синтезировала его с христианской духовностью. В византийском представлении о красоте при этом соединялись физическая красота в античном понимании и одухотворенность [10]. Древнерусская эстетика вобрала в себя античное и византийское начало, возникает нераздельность красоты и мудрости. В трудах первых славянских книжников возрождается тема красоты и совершенства человека. Телесная красота обычно понимается как отражение духовной красоты. В эстетике первой половины XVII в., с одной стороны, сохраняются средневековые представления о красоте, но с другой – появляются и новые тенденции. Это проявляется в повышенном внимании к зримой, осязаемой внешней красоте, которая начинает восприниматься как ценность сама по себе. Так понимаемая красота в аксиологическом плане соединялась с сакральным. При всем этом еще во время перехода от античности к понятиям Средневековья красота начинает связываться с категорией возвышенного. Для античного человека переживание красоты предполагало некое высшее, священное переживание [11]. Поскольку красота человеческого тела являлась центром античной культуры, соприкосновение с пластической красотой и ее восприятие можно считать этико-эстетической ценностью.

Результаты и обсуждение

Интерес к античности просто витал в атмосфере русского романтизма, именно культура тех эпох становилась для русских писателей и мерилom и образцом [12, 13]. Не говоря о широко представленном в университетском образовании цикле дисциплин по античной истории и литературе (нужно заметить, что Александр Полежаев являлся слушателем Московского университета), огромную роль сыграли переводы Н. Гнедичем и В. Жуковским поэм Гомера, с ними был знаком каждый образованный человек первой трети XIX в. [14, 15]. Два главных урока античной культуры для Золотого века русской литературы – культ национальной героики и эстетизация телесности, пластической красоты и синтеза искусств.

Подтверждение тому, что и для Полежаева внешняя красота немислима без внутренней, мы находим в следующем полежаевском стихотворении с более чем неслучайным названием «Глупой красавице»:

«Как бюст Венеры, ты прекрасна;
Но, без души и без огня,
Как хладный мрамор, для меня
Ты, к сожаленью, не опасна.

Ты рождена, чтобы служить
В лукавой свите Купидона, –
Но прежде должно оживить
Тебя резцом Пигмалиона» [16, с. 172–173].

Именно красота в калокагатийном смысле, по Полежаеву, способна вдохнуть жизнь в героиню, вырезать резцом Пигмалиона прекрасную телом и душой Галатею.

В лирике поэта-бунтаря, представителя богоромантического романтизма, своеобразно преломляются традиции античной калокагатии. Во многом такое восприятие связано с трагическим мировоззрением самого поэта, через красоту, через эстетизм, герой Полежаева пытается преодолеть свою судьбу, свой рок. Как правило, лирический герой восхищается красотой героини, преклоняется перед ней и признает ее, однако лицемерие и сознание сей красоты вызывает в его душе вовсе не просветление и умиротворение, гармонию, а, напротив, страдания, муки. Герой оказывается неспособен выстроить гармоничную линию красоты в жизни, что и является следствием искажения мировосприятия.

Итак, осязаемая внешняя красота была важной категорией в античности. М. А. Тимошенко в этом аспекте подчеркивает: «Мысль об идеальном теле предполагала единство физической красоты и душевного благородства, „когда страсть неотделима от чистоты, движение от покоя, совершенство от внутренней нравственной силы“, и воплотилась в изящных женских формах» [17]. Описание телесного совершенства образов героинь берет начало еще в лирике античности, в стихотворениях с антологической поэтикой мы также наблюдаем повышенный интерес к изображению зримой, физической красоты.

В стихотворении «Цыганка» (1833) Полежаев создает образ прекрасной и величественной цыганки, героиня описывается им с позиций земной зримой красоты:

«Кто идет перед толпою
По широкой площади
С загорелой красою
На щеках и на груди?
Под разодранным покровом,
Проницательна, черна,
Кто в величии суровом
Эта дивная жена?..» [16, с. 139]

Бедный наряд не способен скрыть внешнюю красоту и внутреннюю энергию цыганки, подчеркивается ее привлекательность в глазах героя:

«Под узлами бедной шали
Ты не скроешь от меня
Ненавистницу печали,
Друга радостного дня!
Ты знакома вдохновенью

Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденью
Африканские цветы!» [16, с. 139]

Внутренняя и телесная красота героини, однако, вовсе не гармонична, она не вызывает гармонии ни в окружающем героя мире, ни в нем самом, напротив, созерцание красоты, недоступной ему и чуждой, навеивает полусон-полуявь, разрушает его жизнь и приводит к увяданию, душевному кризису.

«Ах, я помню... Но ужасно
Вспоминать лукавый сон;
Фараонка, не напрасно
Тяготит мне душу он!
Пронеслась с годами сила,
Я увял, – и наяву
Мне рука твоя вручила
Приворотную траву...» [18, с. 139]

Примечательно, что в этом стихотворении возникают мотивы душевного сна, увядания героя, которые неоднократно встречаются в лирике А. Полежаева, вызванные автобиографическими обстоятельствами тяжелой судьбы, полной несчастий.

Еще в одном полежаевском стихотворении – «Кольцо» (1832) – героиня, возлюбленная героя, описывается в калогатийном ключе, она прекрасна и скромна, полна очарования, способна к состраданию, вызывает истинный трепет восторга героя перед ее красотой и добродетелями.

«Я, очарованный, смотрел
На милый образ девы нежной;
Я весь дрожал, я трепетал,
Как злой преступник перез казнь,
Непостижимою боязнью
Мой дух смущенный замирал.
Полна живейшего вниманья
К моей мучительной тоске,
Она, с улыбкой состраданья,
Как ропот арфы вдалеке,
Как звук волшебного напева,
Мне чувства сердца излила» [18, с. 108].

Стоит отметить, что и в этом стихотворении герой оказывается страдальцем, Полежаев вносит автобиографический мотив собственной несчастной судьбы.

Обратимся к мифологическому осмыслению образа огня, возникающему в данном стихотворении. В натурфилософии античности именно огонь был символом жизненной энергии, в нем зародилось все сущее, по мнению древних философов. Таким образом, высвобождение энергии происходит, когда человек или герой проходит через огонь страсти. Х. Керлот считает, что «огонь является образом энергии, которая может быть обнаружена как на уровне животной страсти, так и в плоскости духовной силы» [19, с. 353].

У Полежаева огонь выступает стихийной силой, разрушающей жизнь героя:

«Я полюбил ее с тех пор,
Когда печальный, тихий взор
Она на мне остановила,
Когда безмолвным языком
Очей, пылающих огнем,
Она со мною говорила» [18, с. 109].

«Как звук волшебного напева,
Мне чувства сердца излила.
И эта речь, о дева, дева!

Меня, как молния, пожгла» [18, с. 109].

Слова признания не радуют героя, наоборот, узнав, что героиня несвободна, он повержен, растоптан, убит отчаянием:

«Свершилось всё!.. кровавым градом

Кольцо невесты облило

Мое холодное чело...

Я был убит землей и адом...» [18, с. 110]

Даже сознавая недостижимость счастья, его обреченность, герой продолжает терзать себя, не в силах забыть прекрасную деву:

«Хочу забыть мою тоску,

Твержу себе: она чужая;

Но, бесполезно изнывая,

Забыть до гроба не могу» [18, с. 110].

Вновь страсть, вызванная героиней в лирическом герое, не только не обещает счастья и гармонии, наоборот, приводит героя к невыносимой тоске, к страданиям, даже к порогу смерти. В этом стихотворении, как и во многих других стихотворениях поэта, возникает привычная для полежаевского творчества оппозиция «красота» – «смерть».

К середине XVIII в. в русской литературной традиции, испытывающей влияние европейской эстетики и философии, начинают формироваться новые смысловые значения явления «пластической красоты», напрямую связанной с феноменом калокагатии. Еще в XVIII в. теоретик искусства Г. Э. Лессинг в трактате «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» (1766) сопоставлял живопись и поэзию, делил виды искусства на так называемые временные и пространственные. Но если Лессинг разделял и противопоставлял живопись и поэзию, то многие философы и художники в более позднее время опровергали такую точку зрения, считая поэзию искусством синтетическим. Более того, сами пластические искусства склонны вступать в синтетические связи с другими видами искусства. В связи с этим в современных философско-эстетических представлениях формируется и идея о диалоге, лежащая в основе синтеза искусств. В Новое время к проблеме взаимодействия поэзии и живописи обращался, в частности, известный французский просветитель Д. Дидро. Так, например, он рассуж-

дает об общности задач живописи и поэзии и, кроме теоретического осмысления вопроса, описал множество современных ему живописных полотен и таким образом смог включить описания картин в ряд литературных жанров. И. Винкельман полагал, что аллегория может быть применима во всех видах искусства и ее использование равнозначно как в поэзии, так и в живописи. Таким образом, под «пластической красотой» нередко понимают явление, возникшее на стыке разных искусств, – экфрасис [20].

Одной из форм восприятия явления пластической красоты в поэзии, в том числе в интересующих нас стихотворениях с антологической поэтикой, выступает интерпретация произведений живописи.

Живопись, в частности фресковая, в античности была одним из ведущих видов искусства наравне со скульптурой, музыкой и театром. Живопись – явление для экфрасиса в ряде моментов довольно сложное, поскольку важно соблюдать и гармонизировать пластику внутреннюю и внешнюю [21]. Поэт создает в стихотворении «Картина» воображаемый портрет красавицы. Подобный тип стихотворений, воссоздающий словесно реальный или воображаемый портрет, начал создавать еще М. Ломоносов в произведении «Разговор с Анакреоном».

Полежаев в «Картине» прибегает к приему цветописы, характерному для создания живописности:

«Свежее розы благовонной

Уста румяные твои...» [16, с. 183].

С одной стороны, красный цвет является здесь традиционным символом жизни, красоты, любви, но с другой – одновременно начинает предвещать и тревогу. Появляется образ белого цвета, подчеркивающий зримую, телесную красоту героини:

«Лилейный пух твоей груди

Трепещет негой благосклонной!

И этой ножки белизна» [16, с. 183].

Сочетание красных ланит и белизны груди и ног героини не только привлекает героя, очаровывает, манит, но и начинает терзать его своей недоступностью, герой вновь оказывается не способен к гармоничной любви, несущей умиротворение и покой:

«И этот стан зыбучий, смелый –

Соблазн и взора и руки –

Манят, и мучат, и терзают,

И безотрадно растравляют

Смертельный яд моей тоски!» [16, с. 183].

Лирический герой продолжает терзаться, так как имеет возможность видеть «милую деву» лишь на живописном полотне:

«„Счастливец!“ – скажете вы мне.

Напрасно... Все мое блаженство,

Всё милой девы совершенство
И вся она – на полотне!» [16, с. 184].

Таким образом, цветовой контраст белого и красного цветов в стихотворении Полежаева является символом рокового влечения, томительной и разрушающей страсти.

Также «Картину» Полежаева можно рассмотреть как своеобразную интерпретацию поэтом знаменитого мифа о Пигмалионе и Галатее, где последняя является не прекрасной статуей, а «девой», запечатленной на полотне, в которую безответно влюблен лирический герой, возможно, отсюда и возникает мотив муки, в том числе с эротическим оттенком:

«Могу лобзать ее всегда
В чело, и в очи, и в уста
И тайны грации стыдливой
Ласкать рукою прихотливой» [16, с. 183].

Возникает образ огня, любовного жара, который вновь, как и в стихотворении «Кольцо», пронзает сердце героя, ведет к мучениям, вызванным чувствами к героине:

«Сама любовь своим дыханьем
Зажгла огонь в твоей крови!» [16, с. 183].

Также важно отметить динамику внешней и внутренней пластики. Героиня описывается поэтом невероятно пластичной. Вся грация безымянной героини, т. е. внутренний вид красоты, проявляющийся в движении, вступает в противоречие со

статуартной, статической красотой, так как героиня является лишь изображением на полотне и обладает пластической красотой в воображении героя.

Заключение

Античная культура была именно пластичной, так как брала за точку отсчета не телесность в отрыве от духовности, а духовность, воплощенную через тело. В русской культуре и литературе феномен пластической красоты и его понимание оказались на пересечении традиций античной культуры, культуры Древней Руси и европейских эстетических учений. Под влиянием последней возникает новая трактовка феномена пластической красоты – зачастую под ней начинают понимать явление, возникшее на стыке искусств. Нами были проанализированы стихотворения А. Полежаева с антологической поэтикой. Для творчества поэта важной этико-эстетической категорией становится красота телесная и духовная, проявляющаяся в калокагатийном ключе. Таким образом, можно сделать вывод о том, что красота в калокагатийном смысле понимается Полежаевым зачастую как нечто вызывающее не восторг и гармонию в душе героя, как у поэтов-предшественников, а, напротив, страдания, душевный кризис, увядание. Также гармоничная красота становится символом недостижимости счастья.

Список источников

1. Михайлова М. Г. Античность в русской литературе конца XVIII – начала XIX века: дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/antichnost-v-russkoy-literature-kontsa-xviii-nachala-xix-veka> (дата обращения 28.11.2021).
2. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 5 (95). С. 110–106.
3. Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. // Античность как тип культуры: сб. ст. М., 1988. С. 308–324.
4. Баранов С. А. Античный образ человека: исторический смысл и судьба в диалоге культур: дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/antichnyy-obraz-cheloveka-istoricheskiy-smysl-i-sudba-v-dialoge-kultur> (дата обращения 28.11.2021).
5. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. М.: АСТ, 2000. Кн. 2. 688 с.
6. Лосев А. Ф. Античность как тип культуры. М.: Наука, 1988. 336 с.
7. Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. 1: Ранняя классика. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 624 с.
8. Сесорова А. Д. Пластическая красота в движении: анализ воплощения танца в антологической лирике Державина, Батюшкова, Анненского // Вестник КГУ. 2020. № 3. С. 81–83.
9. Лапшина А. Е. Эстетическое сознание Древней Руси как феномен художественной культуры // Сервис Plus. 2010. № 2. С. 67–72.
10. Бычков В. В. Эстетическое сознание Древней Руси. М.: Знание, 1988. 64 с.
11. Pashkurov A. N., Razzhivin A. I., Sesorova A. D., Dulalaeva I. Yu. The problem of plastic beauty in the philosophical consciousness of Russian literary culture at the turn of the 18-th – 19-th centuries // Utopia y Praxis Latinoamericana. № 25. Extra 5. 2020. P. 221–234.
12. Кибальник С. А. Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века. Очерки. СПб.: Петрополис, 2012. 416 с.
13. Савельева Л. И. Античность в русской романтической поэзии (поэты пушкинского круга). Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1986. 80 с.
14. Васильев Н. Л. Поэзия А. И. Полежаева в контексте русской литературы. URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-a-i-polezhaeva-v-kontekste-russkoy-literatury> (дата обращения: 22.10.2021).
15. Воронин И. Д. А. И. Полежаев: жизнь и творчество. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1954. 240 с.

16. Полежаев А.И. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1987. 567 с.
17. Тимошенко М. А. Культурно-историческая ретроспекция проблемы человеческого тела. URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_3\(11\)/11.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_3(11)/11.pdf) (дата обращения: 28.11.2021).
18. Полежаев А. И. Полное собрание стихотворений. М., 1939. 462 с.
19. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
20. Геллер Л. М. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 5–23.
21. Пластические искусства. Краткий терминологический словарь / ред. А. М. Кантор. М.: Пассим, 1994. 160 с.

References

1. Mikhaylova M. G. *Antichnost' v russkoy literature kontsa XVIII – nachala XIX veka. Dis. kand. filol. nauk* [Antiquity in Russian literature of the late 18th – early 19th centuries. Diss. cand. philol. sci.] (in Russian). URL: <http://cheloveknauka.com/antichnost-v-russkoy-literature-kontsa-xviii-nachala-xix-veka> (accessed 28 November 2021).
2. Rylova O. N. *Russkaya antichnost' v otechestvennoy literature: k probleme kul'turnogo dialoga* [Russian Antiquity in Russian Literature: Towards the Problem of Cultural Dialogue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, vol. 5 (95), pp. 110–106 (in Russian).
3. Mikhaylov A. V. *Antichnost' kak ideal i kul'turnaya real'nost' XVIII – XIX vv.* [Antiquity as an ideal and cultural reality of the 18th – 19th centuries]. *Antichnost' kak tip kul'tury: sbornik trudov* [Antiquity as a type of culture: collection of works]. Moscow, 1988. Pp. 308–324 (in Russian).
4. Baranov S. A. *Antichnyy obraz cheloveka: istoricheskiy smysl i sud'ba v dialoge kul'tur. Dis. kand. filol. nauk* [Antique image of a person: historical meaning and fate in the dialogue of cultures. Diss. cand. philol. sci.] (in Russian). URL: <http://cheloveknauka.com/antichnyy-obraz-cheloveka-istoricheskiy-smysl-i-sudba-v-dialoge-kultur> (accessed 28 November 2021).
5. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya: v 2 knigakh* [History of ancient aesthetics. The results of the millennium development]. Vol. 2. Moscow, AST Publ., 2000. 688 p. (in Russian).
6. Losev A. F. *Antichnost' kak tip kul'tury* [Antiquity as a type of culture]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 336 p. (in Russian).
7. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki v 8 tomakh. Tom 1. Rannyya klassika* [History of ancient aesthetics in 8 volumes. Vol. 1. Early classics]. Kharkov, Folio Publ.; Moscow, AST Publ., 2000. 624 p. (in Russian).
8. Sesorova A. D. *Plasticheskaya krasota v dvizhenii: analiz voploshcheniya tantsa v antologicheskoy lirike Derzhavina, Batyushkova, Annenskogo* [Plastic beauty in motion: analysis of the embodiment of dance in anthological lyrics by Derzhavin, Batyushkov, Annensky]. *Vestnik KGU – Vestnik Kostroma State University*, 2020, no. 3, pp. 81–83 (in Russian).
9. Lapshina A. E. *Esteticheskoye soznaniye Drevney Rusi kak fenomen khudozhestvennoy kul'tury* [Aesthetic Consciousness of Ancient Rus as a Phenomenon of Artistic Culture]. *Servis Plus*, 2010, no. 2, pp. 67–72 (in Russian).
10. Bychkov V. V. *Esteticheskoye soznaniye Drevney Rusi* [Aesthetic consciousness of ancient Russia]. Moscow, Znaniye Publ., 1988. 64 p. (in Russian).
11. Pashkurov A. N., Razzhivin A. I., Sesorova A. D., Dulalayeva I. Yu. The problem of plastic beauty in the philosophical consciousness of Russian literary culture at the turn of the 18-th – 19-th centuries. *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 2020, no. 25, pp. 221–234.
12. Kibal'nik S. A. *Antichnaya poeziya v Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka. Ocherki* [Antique poetry in Russia. XVIII – first half of the XIX century. Essays]. Saint Petersburg, Petropolis Publ., 2012. 416 p. (in Russian).
13. Savel'yeva L. I. *Antichnost' v russkoy romanticheskoy poezii (poety pushkinskogo kruga)* [Antiquity in Russian romantic poetry (poets of the Pushkin circle)]. Kazan', Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 1986. 80 p. (in Russian).
14. Vasiliyev N. L. *Poeziya A. I. Polezhayeva v kontekste russkoy literatury* [Poetry of A.I. Polezhaev in the context of Russian literature] (in Russian). URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-a-i-polezhaeva-v-kontekste-russkoy-literatury> (accessed 22 October 2021).
15. Voronin I. D. *A. I. Polezhayev: Zhizn' i tvorchestvo* [A. I. Polezhaev: Life and Work]. Saransk, Mordovskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1954. 240 p. (in Russian).
16. Polezhayev A. I. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1987. 567 p. (in Russian).
17. Timoshenko M. A. *Kul'turno-istoricheskaya retrospektiya problemy chelovecheskogo tela* [Cultural and historical retrospection of the problem of the human body] (in Russian). URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_3\(11\)/11.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_3(11)/11.pdf) (accessed 28 November 2021).
18. Polezhayev A. I. *Polnoye sobraniye stikhotvorenyy* [Complete collection of poems]. Moscow, 1939. 462 p. (in Russian).
19. Kerlot H. Je. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 608 p. (in Russian).
20. Geller L. M. *Voskresheniye ponyatiya, ili Slovo ob ekfrazise* [Resurrection of the concept, or the Word about ekphrasis]. *Ekfrasis v russkoy literature: trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ekphrasis in Russian Literature: Proceedings of the Lausanne Symposium]. Moscow, 2002. Pp. 5–23 (in Russian).
21. *Plasticheskiye iskusstva. Kratkiy terminologicheskii slovar'* [Plastic arts. Brief terminological dictionary]. Moscow, Passim Publ., 1994. 160 p. (in Russian).

Информация об авторе

Сесорова А. Д., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ул. Кремлевская, 18, Казань, Россия, 420008).

Information about the author

Sesorova A. D., postgraduate student, Kazan (Volga region) federal university (ul. Kremlevskaya, 18, Kazan, Russian Federation, 420008).

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 29.11.2021; accepted for publication 29.03.2022